

НЕФОРМУЛЬНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТЕРЕОТИПИЯ В КОМИ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ¹

Н.С. Коровина,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН,
nadezhdakorovina@mail.ru

Традиционные формулы – один из видов стилистической стереотипии. Вместе с тем не только они стабилизируют текст сказки. Помимо традиционных формул сказка включает в себя значительный слой неформальной

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований УрО РАН в 2015-2017 гг. № 15-13-6-30.

повествовательной стереотипии. По мнению Д.Я. Адлейбы, неформульно-повествовательная стереотипия – это «словесно-стилевое воплощение явлений троичности и повторов» (Адлейба 1991: 61).

Неформульных лексических повторов сказка содержит множество. Легче всего установить их градацию по количественным признакам. Таких внешних формальных признаков два: количество повторений и объем стереотипа. По структуре неформульный повтор может состоять из разного количества частей. Чаще это удвоение или утроение, но число повторений может возрасти иногда и до семи. Объем повторяющейся части варьируется в широком диапазоне: от одного слова до значительного эпизода.

Предметом данной статьи являются типизированные повторы в коми народной сказке.

Цель настоящего исследования – выявление особенностей функционирования системы неформульно-повествовательной стереотипии коми народной сказки. В связи с недостаточной изученностью данного вопроса возникла необходимость обратиться к решению следующих задач: установить типы повторов, определить их своеобразие, место в композиции сказки путем сопоставления их с русскими стереотипами.

Как известно, повторы являются ярким средством создания дополнительных лексических значений в семантической структуре слова. В частности, в глаголе усиливается значение, связанное с самой семантикой части речи: это значение длительности, повторяемости, интенсивности и т.д.

Основной текстологической базой исследования послужили материалы фольклорно-этнографических, лингвистических экспедиций в различные районы Республики Коми, хранящиеся в архиве Коми НЦ УрО РАН. В работе использованы публикации коми текстов из сборников И.А. Осипова, Ф.В. Плесовского, Ю.Г. Рочева, а также материалы, собранные автором статьи в ходе фольклорных экспедиций.

Рассмотрим некоторые типы повторов.

1. Характерная черта языка коми сказок – смежное лексическое повторение. Большая часть смежных лексических повторов ограничена семантически. Обычно они образуются посредством повтора глаголов движения. К примеру, для русских сказок характерно употребление двух одинаковых глаголов несовершенного и затем глагола совершенного вида: «Ивашко спустился и пошел; шел да шел, и дошел до медного царства...» (Афанасьев 1985: 187). В коми языке категория вида отсутствует, поэтому способ создания аналогичных формул иной: глаголы движения повторяются, а затем употребляется лексема, близкая по смыслу: «*Мунас, мунас, мунас, мунас, озеро дорё воас*» [НА КНЦ. Ф.5. Оп.2. Д.89. Л.116] – «Шел, шел, шел, шел, до озера дошел»; «*Кывтасны, кывтасны карабён да коркё и воасны*

Василей-саревич ордö» (Рочев 1991: 145) – «Плыли, плыли на корабле да когда-то и доплыли до Василия-царевича».

Повторы иногда состоят из трех и более членов перечисления: *«Мунісны, мунісны, мунісны. Мен висьтавны öдйөн, код төдас, мый дыра найö мунісны. Коркö и воисны карö» (Рочев 1991: 120) – «Шли, шли, шли. Мне рассказывать быстро, кто знает, сколь долго они шли. Когда-то они и пришли в город». Подобные сложные конструкции повторов выражают длительность действия, протяженность его во времени.*

Глаголы других семантических групп (чувства, мысли, речи и т.д.) встречаются в сказочных повторах реже: *«Стрöй кутас бöрдны. Бöрдас, бöрдас, бöрдас да: «Час, – шуö, – ветла бöрдысьöс корсьны» (Рочев 1991: 15) – «Строй начал плакать. Плакал, плакал, плакал и: «Сейчас, – говорит, – пойду плакальщицу поищу».*

2. Вторая группа проанализированных повторов – это слова разнокорневые, но близкие по значению, употребляющиеся как очень близкие по значению синонимы: *«Но ладнö, чай пузьöдисны-шонтисны и пуксисны чай юны» [АА] – «Ну ладно, чай вскипятили-согрели и сели чай пить»; «Но, коркö, бать висьмис... Ся корис тьянсö и шувö: «Ті пö менö дзевöй-гувалöй кулöм мысьтöм» (Осипов 1986: 94) – «Ну, когда-то, отец заболел... Он позвал сыновей и говорит: «Вы меня похороните после того, как я умру»; «Сэсся салдат ва каталас, сойсö гартлас-тöбас и виччысьö» (Рочев 1991: 57) – «Затем солдат воду наносил, руку замотал и ждет».*

Нередки случаи употребления в подобных сочетаниях стилистически неоднородных глаголов: *«Сэсся кайис коймöд судтаö (Гуак Гуаликович. – Н.К.) Лидия Григорьевна дінö. Сёйисны-юисны, сёрнитисны-баитисны» (Рочев 1991: 177) – «Затем поднялся на третий этаж (Гуак Гуаликович. – Н.К.) к Лидии Григорьевне. Поели-попили, поговорили»; «Иван Яблокин ачыс локтис вины-начкыны змейöс» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 93 (т. 7). Л. 245) – «Иван Яблокин сам пришел убивать змея».*

В указанных примерах представлены конструкции глаголов, одна из которых является словом литературного языка, вторая – диалектным.

3. В коми сказках встречаются интересные повторы, имеющие при себе второй глагол, поясняющий, характеризующий первый:

а) Есть пары, в качестве второго элемента в которых выступает глагол, заимствованный из русского языка: *«Сёрнитисны-тöлкуйтисны, мый вöчны, кыдзи Митрей саревичöс садьмöдны» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 94. Л. 73)– «Разговаривали-толковали, что дальше делать, как царевича Дмитрия разбудить»; «Кудз тай ся великанöс ётишкис-толкнитис, великан уси дай сэтчö и кулі» [АА] – «Как он великана толкнул, великан упал и там же и умер»; «Öтчыд Öдöття Поповна лэччис ва дорö и аддзис – зэв мича мо-*

лодеч ветлӧдлӧ-похаживайтӧ берег пӧлӧн» (Осипов 1986: 103) – «Однажды Авдотья Поповна спустилась к реке и увидела – очень красивый молодец ходит-похаживает по берегу». Повторы, указанные выше, – специфическое явление диалектной речи, как правило, второй глагол имеет характер экспрессивного синонима.

б) В коми сказках отмечена большая группа повторов, в качестве второго элемента в которых выступает изобразительный или выразительный (дескриптивный) глагол. Некоторые примеры: «...сейчас сійӧс (Кривдаӧс. – Н.К.) **чашийӧдлісны-косявлісны**. Кривдалы пом вовис» (Осипов 1986: 171) – «... тотчас же его (Кривду. – Н.К.) растерзали-загрызли. Кривде конец наступил»; «Вокъясӧс сувӧдіс да ёна и **клопӧдіс-нӧйтис**» (Осипов 1986: 96) – «Братьев догнал да сильно и похлопал-побил их»; «Ӧлексей, зонмӧ, эз повзъы да плешас мӧлӧтнад **колскис-кучкис**» (Осипов 1986: 108) – «Алексей, смотри-ка, не испугался и в лоб молотом сильно ударил»; «...сэссия-й дякӧнӧс юрсидӧдыс кватитис да **брункнитис-шыбытитис** кольтаяс сорыс» (Осипов 1986: 144) – «...затем дьякона за волосы схватил и с грохотом швырнул вперемежку со снопом».

Довольно часто встречаются и в коми сказках парные устойчивые сочетания. Образуюсь от междометий, они воспроизводят звуки природы, зрительные, слуховые, моторные и другие представления: «Ная (Сучко-Белько. – Н.К.) ... **шурк-шарк** разисны морӧссӧ, аддзисны Кӧин пинь» (Осипов 1986: 107) – «Они (Сучко-Белько. – Н.К.) ... мгновенно разорвали одежду с груди, увидели Волчий зуб»; «...малыштас кӧ пӧ сия (дедыд. – Н.К.) **вичкотӧ, пусь-нась** жугалас, нинӧм оз коль» (Осипов 1986: 108) – «...погладит если он (дед. – Н.К.) церковь, то она вдребезги разобьется, ничего от нее не останется»; «...**грым-грам** петкӧдас дяк тыра пельсатӧ, пунктис ва кыскалан доддӧ да пондіс мунны» (Осипов 1986: 146) – «...с грохотом дьяк выносит кадку, кладет ее на водовозную лошадь и едет». Повторы в устойчивых выражениях коми языка, в том числе и в диалектах, были проанализированы Е.А. Игушевым (Игушев 1981).

4. Характерная особенность коми сказок – повторы из фразы в фразу: «Оліс-выліс важӧн коркӧ сар **Лазарь Лазаревич. Лазарь Лазаревичлӧн** коркӧ некоркӧ чужис **ни. Пиыслы** пунктисны нимсӧ **Ерослан. Ерослан Лазаревичӧн** пондісны тӧдны» [АА] – «Жил-был когда-то давно царь **Лазарь Лазаревич. У Лазаря Лазаревича** когда-то родился сын. Сына назвали **Еруслан. Ерусланом Лазаревичом** стали звать».

5. Длительность и неопределенность времени в сказках могут определять и устойчивые повторы, состоящие из слов, антонимичных по своей семантике. В текстах они выступают в основном в качестве переходных формул. В русских сказках – «долго ли, коротко ли», «близко ли, далеко

ли», «низко ли, высоко ли», «скоро ли, долго ли», «ни много, ни мало» и т.д.: «Долго ли, коротко ли – едут мимо прекрасного сада» (Афанасьев 1985: 222); «Пошел Иван-царевич от своего отца; шел ни много, ни мало, и захотелось ему пить» (Афанасьев 1985: 167). В коми сказках – «дыр-ö, регыд-ö» («долго ли, скоро ли»), «коркö-некоркö» (букв.: «когда-то–некогда-то»), «дыр ли, недыр ли» («долго ли, недолго ли»), «коркö» («когда-то»): «Дыр ли, недыр ли мунисны, воисны ыджыд кар дорö» (Рочев 1991: 133) – «Долго ли, недолго ли ехали, приехали к большому городу»; «Коркö-некоркö кылö сійö керка сайсянь сёрни» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 188. Л. 133) – «Когда-то (букв.: «когда-то–некогда-то») слышится из-за дома разговор».

К собственно антонимичным компонентам парного сочетания можно отнести и такую специфическую русскую сказочную формулу – «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Исследователи считают, что «по форме – это сентенция или афоризм, максимально свободный от контекста» (Разумова 1991: 73). В коми сказке рассматриваемая формула используется в основном в усеченном виде: «Мойдтö висътавны öдйö – мунны дыр» – «Сказку рассказывать быстро – идти долго». Объединяясь и комбинируясь с другими формулами времени, они образуют довольно разнообразные конструкции: «Мунис да мунис, висъталныд регыд-а колöкö, мый дыра мунис» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 93 (т. 3). Л. 73) – «Шел да шел, рассказывать быстро, а, может, сколь долго шел»; «Коркö некоркö, дыр ли недыр ли, старикыд и кулі» (Рочев 1991: 60) – «Когда-то, скоро ли, не скоро ли, старик и умер»; «Мунисны, мунисны, мунисны, мен висътавны öдйöн, код тöдас, мый дыра найö мунисны. Коркö и воисны карö» (Рочев 1991: 120) – «Шли, шли, шли, мне рассказывать быстро, кто знает, сколь долго они шли. Когда-то они и пришли в город». Формулы времени такого типа – одни из самых популярных в коми сказочной традиции. Приведенные примеры свидетельствуют, что неформульная повторяемость и формульность не только сочетаются, но и совмещаются в сказке.

6. Соотношение формульной неформульной стереотипии в сказке представляет особый интерес. В конкретных текстах эти виды стереотипии существуют, переплетаются. В сказках многочисленны устойчивые сочетания, которые воспроизводятся в раз и навсегда заданной форме, ритме, составе и всякий раз повторяются, по крайней мере, трижды в рамках сказочного повествования. Эти устойчивые формулы представляют собою предложения или группу предложений, ритмически организованных внешней или внутренней рифмой, лексическими повторами.

Например, довольно популярна в коми сказках формула, представляющая собой диалог между героем и его противником – многоголовым змеем

(гундыром) перед боем: «<...> гундыр шуё багатырлы: «Татчө на и кыкөн воёмайсь, ме өтикөс сарлысь кори-а, сёям и кыкөс». А багатыр өтвейт: «Нөрөвитлы, куштытөг, ин пу, а, пүтөг, ин сёй, коді кодбс на вермас» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 14]) – «<...> гундыр говорит богатырю: «Сюда и двое пришли, а я одну у царя просил, съедим и двоих». А богатырь отвечает: «Погоди, не общипав, не вари, а не сварив, не ешь, кто кого еще победит». Эти формулы повторяются в сказках три или более раз, при встрече с трех-шести-девятиголовым змеем.

Данная формула известна в ряде вариантов, изменения касаются в основном только некоторых деталей: «Море көлэбаччис, көлэбаччис да куим юра гундыр петі. О-о, бур тай, висьталэ, сарыс. Öтик юрлы öтик глөтөк кори, а менум на, висьталэ, куим юрлы куим глөтэк ыстэма. А, висьталэ, гундыре, прөклятэе, ин на лый да ин на кушты, а сёйны нин мөдан, код төдас, кутшем кусөкен джагалан» (НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 89. Л. 290-291) – «Море колебалось, колебалось, и трехголовый змей вышел. О-о, хороший, говорит, царь. Одной голове один глоток просил, а моим, говорит, трем головам три глотка прислал, оказывается. А, говорит, змей проклятый, не стрелял и не ощипывал еще, а съесть уже хочешь, кто знает, каким куском подавишься».

Обращает на себя внимание, что в диалог героя со змеем включена известная поговорка, которая подчеркивает формульность повествования. Необходимо отметить, что поговорки и поговорки используются в коми сказках довольно широко, хотя они и не играют в текстах организующей роли: употребление такого рода изречений можно опустить, и в сюжете не произойдет никакого изменения. Сказочниками они используются в том числе для более лаконичного и доходчивого выражения своих мыслей. Пословицы и поговорки придают повествованию выразительность, экспрессивность, создают морально-нравственную окраску, включение их в текст отражает определенные дидактические цели, которые преследует сказочник. Например, Волчий царь хочет съесть Алексея и призывает его подойти к нему. Герой сказки насмешливо отвечает ему изречениями: «Няньыс шыр дорас оз волы, а шырыс – нянь дорө»[AA] – «Хлеб к мышке не ходит, а мышь – к хлебу»; «Меша, мөскыс дорас яслиыс оз волы, а мөскыс – ясли дорас»[AA] – «Я же говорю, что не ясли к корове ходят, а корова – к яслям». Главная функция подобных сказочных формул – усиление выразительности, поэтичности сказки.

7. Усиливает ритмико-мелодическую структуру сказки и обилие рифмованных вставок, повторяющихся много раз. В сказках многих сюжетных типов имеются повторяющиеся песенные вставки (см., например, песню девушки, потерявшей братьев, в сказках сюжетного типа «Братец и сест-

рица» (СУС 450)). В сказке «*Ольона*» (Алёна) также была использована песенка такого типа: двое из трех братьев героини застряли на деревьях, один из оставшихся, испив воды из-под копыта барана, превратился в барашка: «*Но сэсся и межкөд кутасны мунны водзö. Мунасны да мунасны, куст улö пукясны. А көнкө сэн матын öксы пиян да баяр пиян дзоллясьöны да мачасьöны. Сэсся и съывны кутас Ольона:*

*Öксы пиян дзоллясьöны, дзоллясьöны,
Баяр пиян мачасьöны, мачасьöны,
Мачыс мунö вит кар йывті, вит кар йывті.*

Дзолльыс мунö квайт кар йывті, квайт кар йывті» (Плесовский 1976: 14-15) –

«Ну вот, они с барашком идут дальше. Шли они, шли, под куст сели. А где-то близко сыновья княжеские да сыновья боярские играли чижиком да мячом. Затем Алена петь стала:

*Сыновья княжеские чижиком играют, чижиком играют,
Сыновья боярские мячом играют, мячом играют,
Мяч летит через пять городищ, через пять городищ.
Чижик летит через шесть городищ, через шесть городищ».*

Песня Алёны повторяется в сказке три раза. Подобный стилистический прием усиливает эквиритмичность сказки. Повторение больших кусков текста формирует ритм более крупного масштаба, усиливает его общую композиционную стройность. Переплетение многообразных повторов создает своеобразный ритм сказочной прозы. С.Ю. Неклюдовым сделан интересный вывод о том, что «сказка, не имеющая метрической организации, обладает гораздо более четким и формализованным сюжетно-композиционным ритмом, чем, скажем, былина, язык которой построен в песенно-стихотворном размере» (Неклюдов 1972: 207).

В целом, можно сказать, что повторы в коми сказках представляют собой активное и продуктивное явление, практически ни один сюжет не обходится без повторов. Проанализированные тексты коми сказок убеждают в справедливости выводов, сделанных Д.Я. Адлейбой, на основе абхазских сказок: «Типизированные повторы – это не частное явление, а повествовательная основа сказки» (Адлейба 1991: 95).

Стилистическая повторяемость в сказке проявляется по-разному. Виды ее достаточно многочисленны: от повторов одного слова до повторения значительных фрагментов текста. При этом повторы не создают впечатления монотонности повествования, не мешают восприятию сказки, а, напротив, являясь традиционным художественно-изобразительным приемом, свойственным языку устного народного творчества, они создают за-

медленность, плавную неторопливость речи, тон эпического спокойного повествования. Набор формул, их повторения в тексте сказки оказывают своеобразную помощь сказочнику: эти ритмико-стиховые устойчивые сочетания легко запоминаются.

Список сокращений

АА – авторский архив, *НА КНЦ* – научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН, *Ф* – фонд, *Оп.* – опись, *Д.* – дело, *Л.* – лист, *т.* – тетрадь.

Адлейба Д.Я. Устные стилевые основы сказки. – Сухуми, 1991.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Наука. 1985. – Т. I. – 511 с.

Игушев Е.А. О повторах в устойчивых выражениях коми языка // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). – Ижевск, 1981.

Неклюдов. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства. – М., 1972.

Висер вожа сьыланкывъяс да мойдкывъяс / сост. И.А. Осипов. – 2-е изд. – Сыктывкар, 1986. – 256 с.

Коми мойдъяс / сост. Ф.В. Плесовский. – Сыктывкар, 1976. – 135 л.б.

Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 152 с.

Коми мойдъяс / сост. Ю.Г. Рочев. – Сыктывкар, 1991. – 231 л.б.